

УДК 314.122.62

Березиков Николай Александрович,
Институт Археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
warumbaum@gmail.com

**Мобилизация коллективной памяти в поземельных спорах
крестьян-старожилов Южной Сибири
(вторая половина XIX – начало XX в.) ***

Аннотация: В статье рассматривается роль коллективной памяти у крестьян-старожилов Южной Сибири (Томская губерния) при отстаивании земельных интересов в судебных тяжбах с соседними сельскими обществами во второй половине XIX – начале XX вв. Методологической основой работы являются понятия коллективной и социальной памяти (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс). В работе предпринята попытка выявить значение апелляции к коллективной памяти для судопроизводства на местном и региональном уровне в указанный исторический период. Также поставлена задача реконструировать этносоциальный дискурс рассматриваемых групп при решении ими практических задач. Фактологический материал представлен архивными данными ГАТО и ГАРФ. Автор приводит количественные данные относительно земельных споров по каждому десятилетию рассматриваемого периода с 1850 по 1910 гг., дает описание типичной структуры административного разбирательства и предпринимает попытку выделить общие места в аргументации со стороны истцов либо ответчиков. Одним из таких общих мест является апелляция общины к длительности проживания на конкретной территории. Автор отмечает, что подобная аргументация считалась более верной в сообществах крестьян-старожилов, чем рациональные аргументы об экономической целесообразности, социальной либо правовой справедливости. Автор отмечает, что в таких делах, как поземельные споры, неизбежно обращение тяжущихся сторон к прошлому опыту и состоянию. Однако рассматриваемые заявления крестьян выходят далеко за рамки простых отсылок к прошлому: на страницах прошений представлено отношение крестьян к истории, своему месту в Сибири, своим правам как старожилов. Другой особенностью подобного проявления коллективной памяти является стремление старожилов отмежеваться от инородцев – как переселенцев из европейской части России, так и аборигенного населения, о чем свидетельствует выражение опасений по поводу нарушения собственного традиционного уклада. В статье также приводятся примеры судебных разбирательств, прошений с предметом иного толка, нежели разграничение земель, но имеющих своим предметом предоставление привилегий на основании исторических

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 12-31-01223.

прецедентов: уклонение от повинностей, притязания на право пользоваться угодьями и пр.

Ключевые слова: старожилы, Сибирь, поземельный, память, мобилизация, идентичность.

Обращение к прошлому и его использование в настоящем – это одна из констант культуры, о чем писали Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс, в 1910–1920-х гг. обосновавшие понятия коллективной [1, с. 244–264] и социальной [2, с. 27, 129–151] памяти и определившие поле проблем этой области. Одной из таких проблем, ставшей популярной в последние два десятилетия [3, с. 38–41], является мобилизация коллективной памяти в этнонациональных дискурсах [4, с. 5–7] и шире – представления ее как ресурса для поддержания той или иной групповой идентичности [5, р. 534–541]. Причем чаще всего объектом изучения в таких исследованиях выступают элиты и интеллигенция, в то время как «безмолвствующему большинству» (определение А. Я. Гуревича [6, с. 3–5]) уделяют намного меньшее внимание, особенно в исторической ретроспективе [7, с. 95–97]. Поэтому эта статья будет посвящена функционированию коллективной памяти у сибирских крестьян-старожилов, как группе, которая во второй половине XIX – начале XX в. в той или иной степени продолжала относиться к «безмолвствующему большинству».

В статье рассмотрены в качестве источника поземельные тяжбы сельского старожильского населения Томского уезда Томской губернии. В ходе сплошного просмотра описей Государственного архива Томской области (ГАТО) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в трех фондах¹ оказалось таких дел: 1850-е гг. – 51; 1860-е гг. – 63; 1870-е гг. – 66; 1880-е гг. – 67; 1890-е гг. – 75; 1900-е гг. – 116. Остается неизвестным точное количество этих споров, поскольку в архиве отложилась лишь та часть из них, которая, не найдя разрешения на волостном и уездных уровнях, рассматривалась Томским губернским земельным управлением (позже – поземельно-устроительной комиссией). Однако состав и количество сохранившихся дел представляется вполне убедительным и репрезентативным для целей данного исследования.

Каждое такое дело представляет собой подшивку документов, составившихся в течение года или нескольких лет волостными, уездными органами и иногда выездным губернским чиновником по тому или иному спорному случаю. Документы подшиты в «дело» в хронологическом порядке.

Среди первых документов, составивших каждое дело, было прошение инициаторов (реже – ответчиков) земельного спора. Это был документ, либо составленный в волостной канцелярии в присутствии уполномоченного от крестьянского общества, либо заранее составленный и принесенный в волостную канцелярию для заверения. Прошение составлялось в свободной

¹ ГАТО. Ф. 3 (Оп. 19, 37, 40, 44, 45, 48, 51, 54, 56, 61, 62, 70, 93, 104); ГАРФ. Ф. 124 (Оп. 14, 15, 19, 35, 44, 57); ГАРФ. Ф. 815 (Оп. 1).

форме, без строгого формуляра (кроме упоминания адресата в начале и адресанта в конце записи). Эти прошения иногда представлены в подлиннике, но чаще в виде копии или, что встречалось реже, в пересказе писаря уездной или губернской канцелярии).

Выяснилось, что в каждом таком прошении имелась отсылка к прошлым временам («отцов», реже – «дедов») в той части, где просителями объяснялась суть дела и обозначалось обоснование своих притязаний. Таким образом, внутри деревенского сообщества функционировала, жила, передавалась и обсуждалась коллективно память о прошлом своего сельского общества. Сами крестьяне письменно не фиксировали эти сведения. Но при случае они могли быть «извлечены» из коллективной памяти и использованы в интересах сообщества: как произошло в случаях с поземельными тяжбами.

Аргументация представителей деревни Аркашевой Семилужной волости, которую они привели в губернском правлении в 1901 г., оказалась веской для обеих тяжущихся сторон. Они заявили, что оспариваемая земля была с «незапамятных времен» в коллективном пользовании их деревни: «С древних времен даже не упомянут наши отцы как наша деревня имела общее пользование всеми крестьянскими угодиями»¹. Представители деревни Нехорошевой, также относившиеся к числу старожильческих селений, вынуждены были отступить. Отметим, что никаких письменных доказательств словам поверенных деревни Аркашевой не было. Это были лишь устные свидетельства. Однако их хватило, чтобы представители деревни Нехорошевой согласились с ними². Можно предположить, что представления о прошлом своего локуса (деревни, волости, возможно, и уезда) сохранились в коллективной памяти жителей. Причем эта коллективная память не замыкалась в рамках одной деревни – соседние поселения знали об «истории» друг друга. Каков был максимальный территориальный охват такой коллективной памяти, сказать сложно. Однако судя по документам о земельных спорах в Томском уезде Томской губернии второй половины XIX в., он не выходил за рамки деревень, имеющих общие границы (в виде пашенных, луговых и лесных угодий).

В более раннем деле «о расследовании Каинским Земским судом конфликта между крестьянами Вознесенской волости Каинского округа и Юдинской волости Гюкалинского округа Тобольской губернии из-за спорных сенокосных угодий» (1829 г.) приводятся аналогичные формулировки со стороны тяжущихся сторон³.

Если в прошении крестьян деревни Аркашевой была отсылка к «незапамятным» временам предков их отцов, то оседлые инородцы Тызырячевых юрт Богородской волости Томского уезда в споре с крестьянами деревни Маркеловой этой же волости предоставили документ

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 2–2об.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 2–71.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 187. Л. 1–12

1823 г., за подписью императора Александра I, в котором фиксировалась передача им земель вследствие перехода в «соседнее состояние»¹. Резолюция Томского губернского правления постановила отклонить прошение крестьян деревни Маркеловой и оставить земли за инородцами Тызырячевых юрт; крестьянам же лесной надел «...отвести из Романовской казенной дачи»².

Другой любопытный случай связан с лесными угодьями, оспаривавшимися деревней Поломошной Касмаинской волости Барнаульского округа Томской губернии и соседней деревней Коробейниковой в 1880 г. Как одна, так и другая сторона апеллировали к «историческим» аргументам, а именно к длительности проживания³. Надо отметить, что именно этот аргумент выдвигался в первую очередь во многих подобных прошениях среди прочих аргументов, таких, как практическая необходимость в этих землях, бедственное положение в связи с плохими урожаями и нехваткой земли вследствие увеличения населения.

В 1893 г. рудовозная дорога отняла часть угодий (лугов) у крестьян села Шемонаевского Змеиногорского округа Томского уезда. Они решили возместить себе этот убыток самовольным занятием земель соседних деревень Вавилонки и Выдриной. Жители этих деревень написали жалобу на шемонаихинцев. В ответ те подали апелляцию, в которой говорилось, что некогда (все происходило в такие давние времена, «что и их отцы не помнят») эти луга использовались совместно с д. Вавилонкой. На заседании поземельно-устроительной комиссии представители сельских обществ д. Вавилонки и д. Выдриной опровергли эти сведения. В результате с. Шемонаиха было признано виновным в использовании чужих земель и подвергнуто штрафу в размере 8 тыс. руб.⁴.

В деле о земельном споре между д. Ново-Тарабинской и д. Старо-Тарабинской Верх-Чумышской волости Барнаульского округа Томского уезда ситуация приняла неожиданный оборот. Как одна, так и другая сторона настаивали на своих правах на землю. В результате тяжба длилась почти 6 лет (1884–1890 г.)⁵. Она закончилась только после предоставления крестьянами д. Старо-Тарабинской выписки из документа 1823 г. Сената о разграничении (который был подшит к делу⁶).

В «Деле о разрешении спора из-за сенокосных лугов между крестьянами д. Коневой Бачатской волости Кузнецкого округа и инородцами улуса Урского Телеутской инородной управы Кузнецкого округа», также растянувшегося на несколько лет вследствие настойчивости сторон (1889–1895 гг.)⁷, крестьяне

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 269–286 об.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 285.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 62. Д. 3. Л. 18–18 об.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 6. Л. 1–54 об.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 122. Л. 1–43.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 122. Л. 40–41 об.

⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 157. Л. 1–89.

приложили в одном из апелляционных документов «Чертеж лугов», выполненный, по их словам, их отцами¹. Приложение чертежа не в первом «Прошении», а лишь в последующих документах, а также отсутствие официальных виз на этом рисунке, заставляет усомниться в словах крестьян-просителей. Вполне возможно, что «чертеж» выполнен ими самими для доказательства своей правоты. Однако в данном случае интересен сам по себе факт подделки под старину. Следует отметить, что, хотя чертеж и был прикреплен к «делу», чиновник Томского губернского управления усомнился в его подлинности². Решение по делу выносил Сенат. Он постановил оставить без последствий прошение крестьян³.

В таких делах, как поземельные споры, неизбежно обращение тяжущихся сторон к прошлому опыту. Однако в случае со многими прецедентами в Томском уезде в последней четверти XIX – начале XX в. заявления крестьян выходят далеко за рамки простого, «практического», употребления отсылок к прошлому. За скупыми формулировками прошений представлено отношение крестьян к истории, своему месту в Сибири, своим правам как старожилов, сохраняющих свою идентичность в образе жизни и в коллективной памяти. Особенно выразительно это проявилось в прошениях о создании отдельных волостей для переселенцев и старожилов, о дополнительном разграничении угодий с сибирскими инородцами.

Так, в прошении крестьян Барнаульского уезда 1901 г. о разделении своей Покровской волости на три отдельных сельских общества (Покровскую, Вознесенскую и Михайловскую)⁴ приводится решение крестьянского схода. В нем изложены причины, по которым следует разделить волость. Помимо причин практико-хозяйственного характера (увеличение населения волости приведет к волокитам в волостном управлении и суде, расширению волостных границ и, вследствие этого, – к удаленности поселений от волостного начальства) перечисляются причины «культурологического» толка. Среди последних (на четвертом месте) указано, что «увеличение населения прибывшими переселенцами из разных мест Европейской России» грозит сложившемуся порядку и сохранению традиционного уклада старожилов. Таким образом, старожилами была заявлена необходимость сохранения своих культурных традиций, выражено мнение о том, что преемственность может быть поколеблена «нашествием» людей из других мест, в результате чего старожильская культура и традиции могут исчезнуть. В итоге по представлению крестьянского начальника Барнаульского уезда VI участка, было дано разрешение на разделение Покровской волости и выделении из нее сельского общества крестьян-старожилов.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 157. Л. 14.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 157. Л. 14.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 157. Л. 72–73 об.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 362. Л. 1–35.

Аналогичные доводы, хотя и в менее яркой форме приводятся в «Деле по прошению крестьян с. Калтайского Томского округа об урегулировании конфликта с инородцами Барабинских юрт из-за сенокосных угодий» (1889–1903 гг.)¹.

Еще более интересным выглядит эпизод с прошением инородцев села Ангудай (крещенных и некрещенных) и других сел Бийского уезда не причислять к их волостям переселенцев из европейской части России². На заседании Присутствия Томского губернского управления в 1902 г. была озвучена обеспокоенность инородцев за сохранение своих обычаев вследствие выделения пахотных земель и сенокосных угодий русским переселенцам³. В итоге было принято решение не селить к этим инородцам крестьян из европейской части России.

В ответ на жалобу переселенцев в притеснениях казаки пос. Терского Антоньевской станицы Бийского округа подали свою жалобу (1893 г.). В ней говорилось, что переселенцы не строят церковь, не исполняют обрядов, казачьего священника обвиняют в отклонении от веры. На праздник святой троицы высказывали недовольство, что казаки устроили поединки с шумом и гамом. Одним словом, переселенцы посягают на казачьи традиции. Безусловно, их обвинения были определены имущественными интересами (переселенцы используют их мельницу, в перспективе будут использовать их землю, берут в долг, не платят общинные повинности). Однако симптоматично, что казаки выдвигают претензии, связанные с поддержанием и сохранением собственных традиций. Причем делают отсылку в этом вопросе на установления традиций в прошлом – так было заведено испокон веков – а теперь это рушится под воздействием переселенцев⁴.

Схожие аргументы, что и у казаков пос. Терского Бийского округа, хотя и в менее развернутой форме, приводят крестьяне д. Песчанской Нижне-Каинской волости. Они также жалуются на польских водворенцев, что те смущают молодежь и тем самым нарушают порядок, «заведенный отцами». Причем как и в случае с казаками, дело было инициировано переселенцами, а не старожилыми. Переселенцы подали жалобу на захват земли. Старожилы в свое оправдание заявляли, что с незапамятных времен эта земля была их. И в дополнение к этому аргументу привели свои опасения насчет потери своих традиций (см. Переписку с Каинским окружным полицейским управлением о рассмотрении жалобы польских водворенцев д. Песчанской Нижне-Каинской

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 16. Л. 1–229.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 26. Л. 1–100.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 26. Л. 80–90 об.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 148. Л. 1–57. См. аналогичное «Дело по земельным спорам между казаками и переселенцами п. Ануйского Ануйской волости Бийского уезда» 1876–1878 гг.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 2. Л. 1–387.

волости на крестьян-старожилов, отобравших у них пахотные земли, сенокосные и лесные угодья¹.

Помимо поземельных споров между крестьянскими обществами, были и другие ситуации, связанные с экономическими интересами, в которых старожилы невольно раскрывали представления об образах своего прошлого.

Так, в 1911 г. крестьяне села Савужинского Кузовинской волости Томского уезда оправдывали самовольную порубку леса сельским скопом с оказанием сопротивления лесной страже тем, что их «отцы и деды валили здесь же лес». В рапорте 19 января 1912 г. томскому губернатору змеиногорский уездный исправник докладывал об этом случае, указав, что удалось прекратить вырубку, но наказания крестьянам не учинили². Под аналогичными доводами проходил отказ крестьян Знаменской волости Минусинского уезда от гоньбовой повинности. «И деды де наши такой повинности не имели»³.

В этом отношении интересно и «Дело по прошению крестьянина Томской губернии и уезда Семилужной волости поселка Орловского Федора Осипова Вьюгова», рассмотренное в общем присутствии Томского губернского управления⁴. Написанное от первого лица, это прошение в красках демонстрирует понимание старожилами свою принадлежность к группе, которая имеет свою культуру и свои традиции, корнями уходящие в прошлое. «Проживая на своей собственной заимке, доставшейся от моих предков, осваивавших томские земли с самого их начала, имея прочное домоводство уже в течение восьми лет... Земель, находящихся в черте Орловского переселенческого поселка... Желая ныне при поземельном устройстве сохранить за собой разработанную мной землю, а также и заимку, на которые мною затрачены большие деньги и которая составляет единственное существование для моей семьи... и боясь, что ныне при окончательном устройстве земли, мною разработанные, будут зачислены в наделные по поселку Орловскому для разверстки по душам, что может за собою повлечь полное мое как старожила раззорение и через что может последовать уничтожение заимки...» И далее он объясняет, что заимка – это старинный способ ведения хозяйства самыми первыми поселенцами на Томской земле, и просит «отделить меня от поселка в самостоятельное хозяйство»⁵.

Таким образом, нам удалось установить наличие определенных коллективных представлений о прошлом у старожилов юга Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Эти представления были тесно переплетены с их хозяйственной деятельностью. Нет ничего неожиданного в том, что эти представления проявились через практику поземельных споров, ставшую к тому времени обыденным явлением. Сельские общества преследовали свои

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 241.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 56. Д. 154. Л. 21.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 35. Д. 250. Л. 1–7.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 206–214.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 363. Л. 206–206 об.

интересы и укреплению их групповой идентичности способствовала мобилизация коллективной памяти.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 349 с.

2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. С. Зенкин. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.

3. Репина Л. П. Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света / Сб. ст. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 38–48.

4. Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX-XXI в.) Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 272 с.

5. Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. P. 531–560.

6. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.

7. Никифоров А.Л. Историческая память и общество // *Личность. Культура. Общество*. 2013. Т. 15. № 2. С. 90–102.